

ЛУЧШАЯ КНИГА 2018 ГОДА ПО ВЕРСИИ *KIRKUS REVIEWS*

Софи Андерсон

ИЗЪУЩКА НА КУРЬИХ НОЖКАХ

Там, где живут призраки

Софи Андерсон

Избушка на курьих ножках

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7 Сое)

Андерсон С.

Избушка на курьих ножках / С. Андерсон — «Издательство АСТ», 2018 — (Там, где живут призраки)

ISBN 978-5-17-113258-3

Маринке двенадцать лет, и она очень хочет, чтобы у нее наконец-то появились друзья. Настоящие, а не избушка на курьих ножках. Конечно, и с ней можно поиграть в догонялки и прятки, но живой человек, согласитесь, куда лучше! Увы, найти друга невозможно, когда твой дом не стоит на месте, а твоя бабушка, точнее Баба-яга, каждую ночь провожает мёртвых в потусторонний мир. Маринка должна стать следующей Ягой, но точно знает — это не ее судьба. Ее судьба — в мире живых людей. Следуя за своими желаниями, однажды она обнаруживает, что любимая бабушка куда-то исчезла, мертвые больше не приходят к избушке, и Великий жизненный цикл нарушился. Маринка решает: надо отыскать бабушку, даже если для этого придется отправиться в мир, которого она так боялась — туда, куда улетают души...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-113258-3

© Андерсон С., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Проводы мёртвых	8
Бенджамин	13
Слишком тяжёлое одеяло	18
За забором	21
Пустыня	26
Нина	29
Урок плавания	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Софи Андерсон

Избушка на курьих ножках

Text copyright © Sophie Anderson, 2018

The right of Sophie Anderson to be identified as the author of this work has been asserted by her in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act, 1988.

Jacket art © 2018 Red Nose Studios

Jacket design by Maeve Norton

© Л.П. Смилевска, перевод на русский язык, 2019

© Е.П. Гнедкова, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Моим щеночкам. Ники, Алек, Сэмми, улыбайтесь звёздам и
следуйте за своей судьбой с радостью.*

Пролог

Моя избушка стоит на курьих ножках. Два-три раза в год она ни с того ни с сего вскакивает прямо посреди ночи и покидает обжитое пристанище. Она может уйти на сотню километров, а может и на тысячу, но остановится в точно таком же месте – уединённом, мрачном, на самом краю цивилизации. Избушка ютится в тёмных запретных лесах за деревнями, потрескивает в овеваемой ветрами ледяной тундре, прячется в полуразрушенных заводских постройках на окраинах городов.

Сейчас она устроилась на скалистом плато каких-то бесплодных гор. Мы здесь уже две недели, и мне всё ещё не довелось увидеть живого человека. Мертвецов – их я, конечно, вижу постоянно. Они приходят к бабушке, и та провожает их сквозь Врата. А вот настоящие, живые люди – они все там, в городке и деревнях далеко под нами.

Может, будь на дворе лето, кто-нибудь забрёл бы сюда, чтобы устроить пикник и насладиться видом. Возможно, живые улыбнулись бы мне или поздоровались. Могли бы прийти и ребята моего возраста или даже целая компания детей на каникулах. Остановились бы у горного потока и плескались бы в прохладной воде. А может, и меня бы позвали.

– Как дела с оградой? – кричит Ба в окно, заставляя меня вынырнуть из сна наяву.

– Почти закончила.

Я вбиваю очередную берцовую кость в низенькую каменную стену. Обычно я вбиваю кости прямо в землю, но здесь кругом одни скалы, поэтому я выложила вокруг дома стену из камней, воткнула в неё кости, а сверху приладила черепа. Однако по ночам ограду кто-то разрушает. Не знаю кто – дикие животные, неуклюжие мертвецы или просто ветер, – но каждое утро, с тех пор как мы тут, мне приходится восстанавливать часть стены.

Ба говорит, что забор отпугивает живых и направляет мёртвых, и это очень важно. Но чиню я его не поэтому. Мне нравится трогать эти кости, потому что их могли касаться руки моих родителей, давным-давно, когда они сами строили заборы и провожали мертвецов к Вратам. Иногда мне кажется, будто я чувствую исходящее от холодных костей тепло их рук, и тогда думаю лишь о том, как мне хотелось бы дотронуться до них – до мамы и папы. От этих мыслей сердце радостно заходится – и болит одновременно.

Избушка громко скрипит и кренился, пока окно кухни не оказывается прямо надо мной. Из окна улыбается Ба:

– Обед готов. У нас сегодня пир горой – щи и чёрный хлеб. И для Джека тоже.

До меня доносится аромат супа и свежего хлеба, и в животе начинает урчать.

– Осталась только петля для калитки, и я всё.

Я поднимаю с земли небольшую косточку, проволокой прикрепляю её на место и ищу глазами Джека. Он копошится под сухим куском вереска на выветренной скале – видно, пытается отыскать мокрицу или жука.

– Джек! – кричу я, и он поднимает голову.

Один из его серебряных глаз поблёскивает, поймав солнечный свет. Неловкий скачок – нечто среднее между полётом и прыжком, – и Джек приземляется на моё плечо. Он что-то суёт мне в ухо.

– Слезай! – Рука невольно взлетает вверх, чтобы прикрыть ухо.

Джек вечно норовит припрятать еду на потом. Уж не знаю, почему мои уши кажутся ему таким удачным местом для тайника. Теперь он запихивает добычу мне в кулак – что-то маленькое, влажное и хрусткое. Я разжимаю пальцы и вижу смятого, переломанного паука.

– Спасибо, Джек.

Я бросаю то, что осталось от паука, в карман. Знаю: Джек хотел как лучше, он поделился со мной едой, но мертвецов с меня достаточно.

– Пойдём. Ба приготовила для нас пир. – Я киваю в сторону дома и вздыхаю. – Для двух человек и одной галки.

Я бросаю взгляд на городок там, внизу. Дома жмутся друг к другу, держатся вместе в этой холодной пустой долине. Вот бы и у меня был нормальный дом там, среди живых, и нормальная семья. Но мой дом – избушка на курьих ножках, а моя бабушка – Баба-яга, Хранитель Врат между миром живых и миром мёртвых. Так что мечты мои такие же пустые, как эти черепа на заборе.

Проводы мёртвых

Сгущаются сумерки, и я зажигаю свечи в черепах. Оранжевый свет струится из пустых глазниц. Начинают собираться мертвецы. Они появляются на горизонте, похожие на туман, бредут к дому, спотыкаясь о камни, и постепенно обретают очертания.

Когда я была совсем маленькой, я, бывало, пыталась отгадать, чем они занимались, с кем жили. Но теперь мне уже двенадцать лет, и эта игра мне порядком наскучила. Сейчас мой взгляд устремлён к огням города, сверкающим далеко внизу, – к вселенной возможностей.

Я вздрагиваю, когда из темноты внезапно появляется Джек и садится на подоконник открытого окна. Слышно, как ветер колыхает деревья – будто в воздухе витает ощущение свободы.

– Как же мне хочется улететь туда, вниз, Джек. – Я глажу его шею. – И провести этот вечер среди живых.

Я думаю обо всём, чем могут заниматься живые, – я читала об этом только в книжках, но могла бы делать и сама, окажись я там, в городе: поиграла бы в догонялки или другие игры с девчонками и парнями, посмотрела бы пьесу в театре, окружённая милыми, улыбающимися лицами...

– Маринка! – кричит Ба, и окно, блеснув, захлопывается.

– Иду, Ба.

Я набрасываю на голову платок и бегу к двери. Я должна встретить мертвецов вместе с ней и посмотреть, как она проводит их к Вратам. В конце концов, это «большая ответственность», я должна «сосредоточиться» и «всему научиться», чтобы в будущем провожать их самой. Не хочу думать об этом. Ба говорит, что мне суждено стать следующим Хранителем Врат и первой, кого я должна буду проводить к ним, будет сама Ба. Меня пробирает дрожь, я пытаюсь стряхнуть её с себя. Я уже говорила – не хочу даже думать об этом дне.

Ба в кухне, помешивает борщ в огромном бурлящем котле. Когда я вхожу, она поворачивается ко мне и улыбается, её глаза задорно поблёскивают.

– Ты такая хорошенькая, моя пчёлка. Готова?

Я киваю и выдавливаю из себя улыбку. Вот бы и мне любить это дело так же сильно, как она.

– Взгляни. – Ба кивает в сторону стула, на котором лежит сверкающая лаком скрипка. – Я наконец её настроила. Думаю, кто-нибудь из мертвецов нам сыграет.

– Было бы здорово. – Ещё недавно я бы с восторгом отнеслась к идее послушать что-то новенькое. Но в последнее время, какой бы из своих инструментов Ба ни починила, все ночи проводов были похожи одна на другую. – Я разолью квас?

Целая армия высоких стаканов на столе ждёт, когда их наполнят тёмным шипучим напитком.

– Да, пожалуйста, – кивает Ба.

Я пробираюсь сквозь стену тёплого кисловатого запаха, а Ба тихонько напевает какую-то песенку, в такт покачивая ложкой, полной ярко-красного супа, возле губ.

– Чеснока побольше, – бормочет она и бросает несколько зубчиков в варево.

Когда я открываю бутылку и наливаю квас, воздух наполняется кисловатым ароматом, который незаметно смешивается с запахом супа. Я смотрю, как в тёмно-коричневой жидкости поднимаются светлые пузырьки и врываються в плотный слой пены на поверхности. Один за другим пузырьки лопаются и исчезают – точно так же исчезнут мертвецы к концу ночи. Какая же бесполезная затея – пытаться узнать их получше, ведь мы больше никогда не встретимся. Но мы – Яги, и наш долг – дарить им этот последний вечер, когда они могут пережить заново свои самые яркие воспоминания и отпраздновать, что жили на этом свете, перед тем как переступить через границу миров и вернуться к звёздам.

– Вот и они! – вскрикивает Ба и бежит к двери, вытянув руки перед собой.

В дверях мнётся какой-то старик. Он совсем бледный, его очертания расплываются – значит, давно ждёт. Пройти сквозь Врата ему не составит труда.

Ба разговаривает с ним приветливо, на языке мёртвых, а я пока накрываю на стол. Тарелки и ложки, толстые куски чёрного хлеба, корзинка с укропом, миски со сметаной и хреном, пирожки с грибами, множество рюмок и большая бутылка настойки под названием «Трость» – напиток на травах специально для мёртвых. Ба говорит, он помогает мёртвым преодолеть их путь, как трость помогает при ходьбе.

Я пытаюсь прислушаться и разобрать, о чём они говорят, но язык мёртвых мне никак не даётся. Он всегда казался мне сложнее любого языка живых, которые я схватываю быстро, практически на лету.

Мои мысли снова уносятся к городку. Он выстроен вдоль узкого берега озера. Я видела, как живые, по два-три человека, спускают по утрам на воду маленькие рыбацкие лодки. Интересно, каково это – поплыть в такой с другом. Мы могли бы добраться до того небольшого островка в середине озера и побродить там вместе. А потом развели бы костёр и сидели бы под звёздами...

Ба легонько толкает меня, помогая старику усесться.

– Налей, пожалуйста, нашему гостю борща.

Мертвецы всё прибывают. Мечты прячутся в дальний уголок моего разума, а я тем временем разливаю горячий борщ и пенистый квас, предлагаю стулья и приношу подушки, пытаюсь ободрить мертвецов – улыбаюсь и киваю им. Вскоре они уже совсем осваиваются, согретые едой, напитками и потрескивающим в очаге пламенем. Дом придаёт им сил, и они постепенно обретают форму, пока не становятся почти похожи на живых. Почти.

Смех эхом отдаётся под потолком, и дом сам будто бы довольно бормочет, вторя воспоминаниям мертвецов о былых радостях и победах, и вздыхает, когда они говорят о своих горестях и сожалениях. Дом живёт для мёртвых, Ба тоже. Она легко порхает от гостя к гостю, совсем как колибри, хоть её тело и согнулось от старости.

Бывало, когда живые проходили неподалёку от дома, я слышала их шёпот. Они говорили, что бабушка уродлива, ужасна, называли её ведьмой и даже монстром. Говорили, будто она ест людей. Но такой они её никогда не видели. Как она красива, когда танцует среди мёртвых, даря им покой и радость. Как я люблю её широкую улыбку, открывающую кривые зубы, её крупный нос с бородавками и редкие седые волосы, выбивающиеся из-под косынки в цветах и черепахах. Люблю её большой мягкий живот и кривоватые, неуклюжие ноги. Я люблю её умение заставлять всех вокруг чувствовать себя свободными. Мертвецы приходят сюда совсем потерянными и сбитыми с толку, а уходят счастливыми и готовыми к предстоящему путешествию.

Ба – идеальный Хранитель. Такой, каким мне никогда не стать. Я вообще не хочу быть Хранителем. Это значит до конца дней своих отвечать за Врата и проводы мёртвых. Но если бабушке проводы доставляют радость, то мне мучительно каждую ночь смотреть на то, как мёртвые растворяются в темноте Врат, – от этого я чувствую себя ещё более одинокой. Вот бы мне было суждено стать кем-то другим. Кем-то, кто имеет дело с настоящими, живыми людьми.

Избушка переступает с ноги на ногу, устраиваясь поудобнее, и распахивает окна на крыше. Над нами мерцают звёзды, расцветивая небо едва заметными вспышками света.

– «Трость»! – весело вскрикивает Ба и зубами выдёргивает пробку из бутылки. Комнату наполняет сладковатый пряный аромат, огонь разгорается ярче.

В углу комнаты появляются Врата. Это большой чёрный прямоугольник, куда чернее, чем темнота на дне могилы. Он притягивает взгляд, так же как чёрная дыра поглощает свет, и чем дольше ты смотришь, тем сильнее тебя манят Врата.

Я приближаюсь, избегая их раскрытой пасти, руки в карманах передника, взгляд в пол. Доски под ногами пропадают в темноте, будто бы проваливаются в бездну. Краем глаза я вижу мимолётные вспышки света и цвета где-то внутри этой темноты – изгиб радуги, мерцание туманности, бушующие гроззовые облака и бесконечную дугу Млечного Пути. Далеко внизу слышно дыхание океана, будто волны разбиваются о гладкие скалы. Я достаю из кармана мёртвого паука и кладу его на пол.

Душа паука выскакивает из тела и смущённо озирается по сторонам. Животных провожать не нужно – Ба говорит, они понимают Великий цикл жизни куда лучше людей. Поэтому, наверно, паук недоумевает, что он делает в доме Яги.

Я всё равно бормочу слова Путешествия мёртвых, половину забываю, другую половину коверкаю. Что-то там про силу на долгом и нелёгком пути, благодарность за отведённое время и покой после возвращения к звёздам. Душа паука оборачивается ко мне и смотрит с ещё бóльшим смущением. Я подталкиваю паука к Вратам и в миллионный раз спрашиваю себя, действительно ли судьбу нельзя изменить. Неужели мне и правда придётся стать Ягой, всю жизнь с кем-то прощаться, когда моя душа болит и просит дружбы дольше, чем на одну только ночь?

Ба заводит песню, и мертвецы подпевают. Их голоса становятся всё сильнее и громче. Один из них берёт скрипку и начинает играть, постепенно взвинчивая темп. Ба берёт аккордеон, подыгрывает ему, и музыка захватывает всё и всех вокруг. Избушка подрагивает в такт музыке, мертвецы отбивают ритм ногами, кто-то кружится в танце. Но потихоньку, один за другим они склоняют головы, вздыхают и уплывают в сторону Врат. Ба шепчет им на ухо слова Путешествия мёртвых, целует в обе щеки. Они улыбаются, проплывая мимо, и растворяются в темноте.

К часу, когда первые лучи рассвета гасят на небе звёзды, в доме остаётся всего один мертвец. Девушка, закутанная в бабушкину красно-чёрную шаль, молча всматривается в огонь. Молодым всегда сложнее пройти сквозь Врата. Несправедливо, что время, отпущенное им на земле, так коротко. Ба говорит: «Неважно, сколь длинна жизнь, – важно, сколь она сладка». Она говорит, все мы приходим на эту землю учиться, просто некоторые души быстро усваивают уроки, а некоторые – намного дольше. Не понимаю, почему мы все не можем прожить долгую, сладкую жизнь, независимо от всяких там жизненных уроков.

Ба угощает девушку миндалём в сахаре, обнимает её и шепчет ей на ухо слова, которые я не могу разобрать. В конце концов девушка кивает и позволяет бабушке провести её к Вратам. Как только девушка скрывается во тьме, бледные золотые лучи рассвета разливаются по небу, и Врата исчезают. Крыша закрывается, и избушка вздыхает. Ба вытирает краем шали слезу в уголке глаза, но, когда она поворачивается ко мне, уже улыбается, так что и не разобрать, грустит она или радуется.

– Какао? – спрашивает Ба на языке мёртвых – она всё ещё под впечатлением от проводов.

– Да, пожалуйста. – Я киваю и принимаюсь убирать со стола посуду.

– Ты слышала, что рассказывала женщина-астроном? Про звезду, которую назвали в её честь? – улыбается Ба, переходя на наш привычный язык. – Сегодня я проводила звездочёта к звёздам!

Я силюсь вспомнить лица мертвецов и понять, кто это мог быть. Ничего не приходит в голову.

– Всё-таки язык мёртвых для меня сложноват.

– Но ты же поняла, когда я предложила тебе какао.

– Это совсем другое. – К щекам приливает кровь. – Какао – всего одно слово. Мертвецы слишком быстро говорят.

Ба передаёт мне кружку и усаживается в кресле возле огня.

– Что ты сегодня хочешь почитать?

Я снимаю с головы платок, устраиваюсь на подушке на полу и опираюсь на бабушкины колени. Она всегда читает мне перед тем, когда мы ляжем спать на рассвете.

– Лучше расскажи про моих родителей.

Ба гладит мои волосы.

– Какую историю ты хочешь послушать?

– Как они познакомились.

– Опять? – спрашивает она.

– Опять, – киваю я.

– Ну что ж. – Ба делает глоток какао. – Как ты помнишь, твои родители были Ягами и оба принадлежали к древним родам первых Яг Степей...

Джек осторожно прячет кусочек пряника в складку моей юбки, а я почёсываю перья у него на шее.

– Избушка твоей матери скакала со стороны Великих гор на востоке, а избушка твоего отца – со стороны Высоких пиков на западе. Нежданно-негаданно обе избушки резко повернули на юг и остановились на ночлег в окрестностях Тонущего города. Избушкам захотелось опустить ножки в воду.

– От бега курьи ножки горели огнём, – подсказываю я.

– От жара вода бурлила и пенилась в свете луны, – продолжает Ба. – Твоя мама выглянула из окна, и красота города так заморозила её, что она тихонько улизнула из дома, взяла гондолу и отправилась плавать по каналам в ночной тиши.

Я представляю, как лодка разрезает гладкое тёмное небо, отражённое в воде, как оно тихо бьётся о борт, когда мама гладит веслом воду, усыпанную звёздами.

– А совсем неподалёку, – Ба ритмично постукивает ногой по полу, – твой отец, тоже очарованный красотой города, танцевал на крыше своей избушки.

Я смеюсь:

– Он же ещё жил с родителями?

Ба кивает:

– Твоя мама вот уже несколько месяцев была Хранителем и жила в своей собственной избушке, а вот отец пока делил кров с родителями-Ягами.

– Он увидел мою маму и, чтобы рассмотреть её получше, наклонился... – Я жду, чтобы Ба закончила фразу.

Она наклоняется ко мне, как когда-то, наверно, наклонялся отец с крыши избушки.

– ...поскользнулся и упал. – Бабушкины глаза расширились от наигранного испуга. – Он падал и падал... и наконец рухнул, но не в канал, а в гондолу твоей мамы. Её так сильно качнуло, что твоя мама свалилась в воду и закричала.

– Отец хотел нырнуть и спасти её, – спешу продолжить я. – Но снова поскользнулся, когда выпрыгивал из гондолы, ударился головой и без сознания свалился в воду.

Ба кладёт руку мне на плечо.

– И в конце концов твоей матери самой пришлось его спасать.

– Они полюбили друг друга, и появилась я, – с улыбкой говорю я.

– Ну, с тех пор прошло несколько лет... Но да, появилась ты. Ты стала для них целой вселенной, Маринка. Они тебя так любили.

Вздыхнув, я ставлю пустую чашку на пол. Я обожаю эту историю, но не за освещённые лунной каналы и не за танцы на крыше, не за комичное падение папы в воду и чудесное спасение, хотя всё это – приятные детали. Люблю я её вот почему: пускай мама-Яга и нарушила правила – сбежала из дома посреди ночи, украла гондолу, – ничего страшного не случилось. Мне нравится думать, что однажды нежданно-негаданно кто-то или что-то упадёт с небес и навсегда изменит и мою жизнь.

Бенджамин

Джек сидит на стене, его чёрно-серые перья колыхает ветер. Он наблюдает за тем, как я пытаюсь вернуть на место выпавшую из ограды бедренную кость. Солнце уже стоит высоко в небе, но воздух пока не прогрелся. За минувшую ночь разрушилась только небольшая часть забора, но у меня так замёрзли руки, что починка занимает куда больше времени, чем обычно.

– Кар-р-р! – тревожно вскрикивает Джек прямо над моим ухом.

Я вздрагиваю от испуга и оборачиваюсь. Всего в нескольких шагах от меня стоит парень, примерно моего возраста. Я моргаю и силюсь понять: неужели мои сны наяву становятся такими реалистичными? Но парень не исчезает. Сердце бешено колотится. Это настоящий, живой мальчик. Его длинное тёмное пальто распахнуто, и из-за пазухи выглядывает крошечный ягнёнок.

– Хм-м-м... а это человеческие кости? – Парень смотрит на кость, которую я всё ещё держу в руке, и на те, что торчат из стены.

– Да. То есть нет. – Я быстро встаю и пытаюсь загородить от него ближайший (явно человеческий) череп. – В смысле, они ненастоящие.

Ложь застрекает у меня в горле, и я чувствую, что краснею.

– А похожи на настоящие.

В уголках его рта играет улыбка. Но я не вижу в его лице ни тени испуга, только любопытство.

– Думаю, они и есть настоящие. – Я кладу кость на стену, пальцы дрожат, – я не хочу его отпугнуть. – Я имела в виду, они несвежие.

Его брови приподнимаются.

– В смысле я никого не убивала.

– Я и не думал ничего такого.

Он внимательно осматривает стену, затем его взгляд падает на избушку. Сейчас она сидит, сложив ноги и спрятав их под себя, так что выглядит совершенно нормально – обычный деревянный дом.

– Ты здесь на каникулах, что ли?

– Мы с бабушкой приехали совсем недавно.

– Никогда не видел здесь этого дома. Откуда он взялся?

– Он сам сюда пришёл.

Ба отругала бы меня за то, что я сказала правду, но я уже давно поняла: никто в это не верит. Лучше уж так, чем придумывать ещё более невероятную ложь. Парень смотрит на меня с вежливой улыбкой. Он думает, что я шучу, и теперь ждёт настоящего объяснения.

– Я Маринка. – Я протягиваю руку, надеясь сменить тему и прикоснуться к настоящему, живому человеку. Я понимаю, что формально Ба – тоже живой человек, но она не в счёт, тем более она уже старая.

Парень пожимает мне руку. Его ладонь тёплая и чуть влажная. Моё лицо расплывается в такой широкой улыбке, что от неё начинают болеть щёки.

Не помню, когда мне довелось в последний раз перекинуться словом с живым человеком, не говоря уже о том, чтоб прикоснуться к нему. С той минуты прошло уже, наверно, больше года. И ещё больше прошло с тех пор, как я видела кого-то своего возраста.

– Я Бенджамин.

Он отдергивает руку, и на секунду я задумываюсь, не слишком ли сильно я её сжала, но тут меня отвлекает барашек, который копошится в складках его пальто.

– Можно его погладить? – спрашиваю я.

Бенджамин кивает, я аккуратно чешу макушку ягнёнка и говорю:

– Такой крошечный!

– Ему всего несколько дней от роду. Сирота. Несу его домой, буду о нём заботиться.

– Как здорово. Мне бы тоже хотелось завести барашка.

Бенджамин с опаской смотрит на Джека. Он расхаживает взад-вперёд по стене и не спускает глаз с ягнёнка.

– Не беспокойся, Джек его не тронет, – говорю я, на секунду усомнившись: а вдруг тронет?

– Это твой?

– Вроде того. – Я чуть приподнимаю локоть, и Джек тут же садится мне на руку. – Я его вырастила. Тоже сирота. Подобрала его ещё птенцом на Острове Стоячих камней.

– Твой дом и туда забрёл? – Бенджамин улыбается, но в его глазах вспыхивает издёвка.

– Избушка не может ходить по воде! Конечно, она туда приплыла. – Я издаю нервный смешок, представляя, насколько нелепо это звучит.

Бенджамин прячет ягнёнка поглубже в складки пальто и смотрит куда-то в небо. Паника накрывает меня холодной волной: сейчас он уйдёт, и я опять останусь одна. Может, ещё долгие годы я не смогу поговорить с живым человеком.

– Хочешь квасу? – торопливо спрашиваю я.

– А что это?

– Такой напиток.

Я прикусываю губу, жалея, что не предложила ему чего-нибудь другого. Мы далеко от наших степей, в месте, которое Ба зовёт Краем Озёр. Конечно, Бенджамин понятия не имеет, что такое квас. И наверняка на вкус он ему покажется странным.

Ягнёнок блеет – неожиданно громко для такого крошечного существа.

– Это для ягнёнка! – Мысль приходит так неожиданно, что я почти кричу.

– Э-э, я, наверно... – Бенджамин с сомнением косится на избушку, и я пугаюсь, не проснулась ли она и не сделала ли что-нибудь ужасающее, например приподнялась или вытащила когтистую ногу. Я смотрю на неё краем глаза и выдыхаю с облегчением: избушка всё ещё спит.

– Ну пожалуйста. – В груди ноет – я так хочу, чтобы он остался. – Я ещё не встречала никого из местных, и мне хотелось бы расспросить тебя о городе и... – Мой голос обрывается, когда я смотрю в карие глаза Бенджамин. Они такие большие и добрые, что моё сердце радостно замирает. Я понимаю: он останется.

– Хорошо, – улыбается он, – я попробую квас и покормлю ягнёнка, если ты принесёшь немного горячей воды.

Я иду очень тихо, стараясь не разбудить избушку. Когда я была маленькой, мы частенько играли в одну игру – «шаги Яги»: я должна была незаметно подкрасться к избушке и дотронуться до её ноги; если же она замечала меня, то топала ногами и прогоняла. Благодаря этой игре я знаю все слепые и глухие места избушки, все потайные уголки, где можно сидеть и наблюдать за живыми, оставаясь незамеченной.

Ба спит в своём кресле у печи. Я решаю, что лучше предложить Бенджамину какао: этот вкус ему, должно быть, знаком, да и пить он его будет дольше, чем квас. Я тихонько беру три кружки с полки над очагом, насыпаю в две из них какао, сухое молоко и сахар, а затем во все три наливаю горячей воды из чайника, пыхтящего на огне.

Джек с глухим стуком приземляется на крыльцо и семенит ко мне, цокая когтями по деревянному полу. Я стреляю в него гневным взглядом и подношу палец к губам. Он останавливается, склоняет голову и приподнимает крылья, будто бы извиняясь.

Я тихонько крадусь к выходу, Джек следует за мной, стуча когтями ещё громче. Вот честно, порой мне кажется, он так и хочет, чтобы я попала в переделку.

Бенджамин сидит на большом камне прямо за забором, перед ним открывается вид на долину. Камень достаточно большой для нас обоих, и меня снова охватывает трепет: ещё мгновение – и я буду сидеть рядом с настоящим, живым человеком.

Может, мы поговорим, а потом подружимся. Может, он снова заглянет ко мне, мы будем гулять и играть в игры, как все нормальные дети, – по крайней мере, мне кажется, что именно так и делают друзья. От этой мысли моё сердце переполняется радостью и готово лопнуть; кружки в руках подрагивают.

Ворота из костей загремят и наверняка разбудят избушку, так что я перешагиваю через забор там, где он обрушился. От прохладного порыва ветра у меня перехватывает дыхание. Мне нельзя выходить за забор, но каждый раз, как я это делаю, пусть даже я отойду всего на несколько шагов, я чувствую себя более живой. Кажется, всё вокруг становится больше, а цвета – ярче. Интересно, испытывала ли мама что-то подобное, когда сбежала посреди ночи на украденной гондоле?

– Пахнет прямо как какао, – говорит Джек, нюхая свой напиток.

– А это и есть какао.

– Ты же вроде говорила про квас.

– Зато оно горячее. – Я делаю глоток. Сладкое тепло разливается по мне, щекоча желудок.

Бенджамин ставит свою чашку на самый край камня и достаёт из кармана бутылочку и какой-то мятый конверт.

– Это для барашка? – спрашиваю я.

– Да, специальное сухое молоко. – Он насыпает немного порошка в бутылку, заливает его водой, трясёт, а затем меняет крышку бутылки на соску. – Хочешь покормить его?

– Ой, конечно, спасибо.

Я отставляю кружку, а Бенджамин сажает ягнёнка мне на колени. Я пытаюсь завернуть его в свою шаль, но это не так-то просто, потому что он неуклюже толкается своими тонкими ножками. Наконец он успокаивается, хотя его поза и не выглядит особенно удобной, и Бенджамин передаёт мне бутылочку.

Ягнёнок жадно сосёт молоко, оно струйкой стекает по его мордочке. Джек наигранно вскрикивает и устремляется к засохшему кусту вереска, где начинает судорожно переворачивать камни, делая вид, что ищет жуков. Он ревнует. Я потом заглажу свою вину: найду в кладовой что-нибудь блестящее и подарю ему.

Бенджамин наблюдает за ягнёнком, затем снова берёт в руки кружку.

– Так что, ты пойдёшь в школу в городе?

Я мотаю головой:

– Я учусь на дому, потому что мы часто переезжаем с места на место.

Не могу же я сказать ему: потому что я – следующая Яга; мне нужно выучить язык мёртвых и вызубрить слова Путешествия мёртвых; что мне нужно уметь готовить для мертвецов и провожать их к Вратам. Ба говорит, живым ни к чему знать всё это. Да и мне куда интереснее послушать про его жизнь.

– А ты ходишь в школу? – спрашиваю я, представляя себе, как здорово было бы сидеть в классе, полном учеников, и играть с ними на переменах. От этих мыслей начинает кружиться голова.

– Вообще да. Правда, сейчас меня отстранили.

– Как это?

– Мне неделю нельзя будет ходить в школу. Но это не потому, что я плохой или что-то в таком духе, – быстро добавляет Бенджамин. – Всего лишь дурацкая ссора с мальчишками, которая зашла слишком далеко. Мы не хотели, чтобы так вышло, – вздыхает Бенджамин. – Я там просто лишний, понимаешь?

Я киваю, но не понимаю. Чтобы понимать, лишняя я или нет, нужно хотя бы попробовать.

– Расскажи, почему вы так часто переезжаете?

– Моя бабушка – музыкант. Она путешествует для вдохновения.

Я передаю пустую бутылку Бенджамину, но ягнёнка оставляю у себя на коленях. Он такой тёплый. Ничто не сравнится с теплом живых – кажется, оно проникает прямо ко мне в душу.

– А твои родители? – спрашивает Бенджамин.

– Они умерли, когда я была совсем маленькой.

Образ избушки на курьих ножках, объятый пламенем, встаёт перед глазами. Я гоню эту мысль, делаю глубокий вдох и пытаюсь успокоиться.

– Моя мама тоже умерла, когда я был ребёнком, – тихо произносит Бенджамин.

Я вздрагиваю, исполняясь сочувствия, и расслабляюсь. Приятно иметь хоть что-то общее с ним – пусть и такое ужасное.

– Я постоянно думаю о маме, – говорит Бенджамин, заворачивая бутылку ягнёнка в вощённую бумагу. – Хоть я и не знал её.

– Я тебя прекрасно понимаю, – киваю я. – Так интересно, какой была бы моя жизнь, если б родители были живы.

Грудь снова сковывает, когда в голове проносится мысль о краденой гондоле и танцах на крыше. Поняли бы мама и папа, почему я не хочу быть Хранителем Врат? Позволили бы мне стать кем-то другим? Я поворачиваюсь к Бенджамину в надежде, что он сменит тему.

– Так, значит, здесь только ты, бабушка, галка и ваш ходячий дом. – Бенджамин приподнимает бровь и улыбается.

– Ага, – киваю я. – И мы часто переезжаем. И я не хожу в школу. Так что мне бывает одиноко и невесело. – Я издаю смешок, хотя мне совсем не смешно.

– Ну, в школе тоже может быть одиноко, даже когда вокруг полно людей.

– Разве можно быть одиноким среди людей?

– Можно, если они не понимают тебя и не особенно дружелюбны.

Я вспоминаю ночи, когда я провожала мёртвых: их было много, и я всё равно чувствовала себя одинокой. Я думала, всё дело в том, что я жива, а они мертвы. Мне и в голову не могло прийти, что можно так же чувствовать себя среди живых.

– И что же это за кости у вас в стене?

– Такая у нас традиция.

– Как Хеллоуин, что ли?

– Вроде того. – Я бросаю взгляд на город у озера, на деревни, окружающие его. – Ты живёшь в городе?

– Я живу в деревне, вон там. – Бенджамин наклоняется ко мне и показывает куда-то в долину. Я чувствую тепло его дыхания и замираю, ощущая дрожь во всём теле. Бенджамин выпрямляется и показывает в другую сторону, на гору. – Я помогал работникам на ферме вон там, в долине за горой. Это отец придумал. Он считает, что мне надо чем-то себя занять, пока меня отстранили. Там-то мне и дали его. – Бенджамин кивает на ягнёнка, который сладко уснул у меня на коленях. – Честно говоря, я побаиваюсь, что отец не разрешит мне его оставить.

– Да что ты, я уверена, что разрешит. Разве он может отказать? – Я чешу мягкую шёрстку на подбородке ягнёнка.

– Наверно, ты права, – кивает Бенджамин. – Но всё равно сначала надо было спросить у него. Он не слишком-то мной доволен, после всей этой истории с исключением. – Тут следует пауза, и глаза Бенджамина увеличиваются. – Слушай, я придумал! Можешь оставить ягнёнка у себя, только до завтра? Я сегодня спрошу у отца разрешения, а завтра утром приду за ним. Ты не против?

– Я... я...

Голова кружится. Конечно же, я очень хочу оставить ягнёнка себе и снова увидеть Бенджамина. Сколько себя помню, я мечтала подружиться с кем-нибудь. И вот он появляется –

настоящий, живой друг моего возраста, с ним можно разговаривать и придумывать разные занятия. И у нас с Бенджамином столько общего. Как будто сама судьба свела нас! Но как же избушка? И Ба? Если они узнают, что я разговаривала с живым, они с меня месяц глаз не спустят. А то и дольше. Я смотрю на Бенджамина, и его искренняя улыбка развеивает все мои сомнения.

– С радостью, – говорю я.

Но, как только Бенджамин уходит и я перешагиваю через стену, чёрные тревожные тучи сгущаются надо мной, становятся в сто раз темнее и тяжелее, чем за минуту до этого... потому что избушка, сидя на корточках, хмурится и сверлит меня взглядом двух своих передних окон.

Слишком тяжёлое одеяло

– Можем как следует откормить его, и весной наварим борща на ягнятине, – усмехается Ба.

– Нет! – Я ещё крепче прижимаю к себе ягнёнка и пытаюсь укрыть его шалью.

– И что же ты собираешься с ним делать? Он скоро превратится в здоровенную, вечно голодную овцу, а ведь избушка не всегда останавливается на лугах.

– Не думаю, что он останется надолго. Просто пусть немного окрепнет, и тогда можно будет отпустить его на волю.

Я смотрю в окно. Когда завтра Бенджамин заберёт ягнёнка, я скажу бабушке, что он сбежал. Так я решила.

Доски пола вздыбливаются под моими ногами, я спотыкаюсь. Ба приподнимает бровь.

– Так где именно ты его нашла?

– Я же уже говорила, он топтался возле забора, такой одинокий и незащищённый. – Я гляжу на ягнёнка, щёки пылают.

– С какой стороны забора?

Из печной трубы доносится глубокий вздох. Я знаю, что избушка видела меня по ту сторону забора, но всё ещё надеюсь, что Бенджамин она не заметила.

– Точно не скажу. – Я кусаю губу и смотрю на балку под потолком. – Забор рухнул, и, когда я взялась его чинить, услышала блеяние.

Ба качает головой и хмурится:

– Ты же знаешь, что тебе не следует выходить за забор. Там небезопасно...

– Я не уходила далеко, – перебиваю её я. – И что мне было делать? Бросить его там совсем одного?

– Надо было сказать мне. Я пошла бы с тобой.

– Ты спала, мне не хотелось тебя будить. Честное слово, он был совсем рядом, по ту сторону забора. – Я смотрю ей прямо в глаза, потому что эта часть моего рассказа – чистойшей правда.

Бабушкино лицо немного смягчается.

– Хорошо. Только пообещай мне...

– Больше такого не повторится, я обещаю. – На моём лице сияет самая ослепительная улыбка. – Так я могу его оставить?

Ба слегка кивает и улыбается в ответ:

– Можешь взять немного костей и построить для него укрытие на крыльце.

– Спасибо!

Я выбегаю из задней двери, быстро иду по широким гладким половицам крыльца и останавливаюсь в одном из глухих мест – здесь избушка точно меня не услышит, если я заговорю с ягнёнком.

Я кутаю ягнёнка в шаль и укладываю в большое пустое ведро. Весь оставшийся день я строю ему самый уютный домик, какой только можно собрать из костей. Прилаживая их одну к другой, я внимательно осматриваю каждую и думаю: какие из них остались от дома моих родителей? Ба говорила: единственное, что уцелело после пожара, – это кости от их забора. Она собрала их, и теперь они смешались с нашими. Увы, в память о родителях мне не осталось ничего, кроме этих костей.

На землю опускается тьма, Джек каркает, сидя на черепе на дальнем конце забора. Уже пора зажигать свечи. Первым делом я кормлю ягнёнка и устилаю его новый дом старыми шерстяными одеялами, чтобы он не мёрз ночью. Затем я зажигаю свечи в черепках и распахиваю ворота из костей в ожидании прихода мертвецов.

Вечер застаёт меня в оцепенении. Я ещё более рассеянна, чем обычно. Я роняю миски, спотыкаюсь о стулья и чуть ли не подпрыгиваю от любого шума, доносящегося снаружи. Ба думает, что дело в ягнёнке, и это правда, но не вся: куда больше меня заботит завтрашний визит Бенджамина. В животе порхают бабочки – я страшно взволнованна.

После того как я вдребезги разбиваю второй стакан за вечер, Ба предлагает перенести ягнёнка в мою комнату. Она целует меня в щёку и советует поспать часок-другой, но я-то точно знаю, что не смогу. Я вся на взводе из-за завтрашней встречи.

Я открываю дверь своей комнаты, и по лицу расплзается улыбка. В самом углу избушка сотворила для ягнёнка небольшой хлев с полом из травы, обнесённый невысокой изгородью. Рядом с ним возвышается покрытая мхом крепость, точь-в-точь как те, что избушка строила для меня, когда я была маленькой.

Беда в том, что я больше не маленькая. При взгляде на крепость, где я так любила играть, неприятное чувство накрывает меня, как слишком тяжёлое одеяло. Ребёнком я обожала играть в волшебные игры, которые придумывала для меня избушка. Она создавала уютные жилища и целые маленькие миры, где невысокие деревья шагали по комнате, а цветы пускались в пляс. Всё это так восхищало меня, что я чуть не лопалась от счастья.

Теперь я выросла. Как бы ни старалась избушка мне угодить, всё, о чём я мечтаю, – это покинуть её и узнать настоящий мир, жить среди живых, найти друзей, и не на один лишь день, а, может, на всю жизнь.

Я пытаюсь отвлечься чтением, но герои рассказа бредут вдоль озера, и вот я уже мечтаю о том, как было бы здорово погулять с Бенджином. Я бросаю книгу и беру за настольную игру, где нужно складывать слова из деревянных табличек с буквами. Я складываю слова «друг», «жизнь», но место второго игрока пустует, и мне становится интересно, умеет ли Бенджамин играть в эту игру. Я сажусь и усаживаюсь у окна рассматривать созвездия фонарей в городке там, далеко внизу.

До меня доносится шум пира и прбродов, затем становится тихо. Я слышу, как Ба настраивает балалайку. Она играет мою любимую колыбельную из детства, но сегодня эти звуки, как и поросшая мхом крепость, совсем не радуют меня, а лишь заставляют съёжиться. Только когда Ба отправляется спать, я снова обретаю покой и могу вернуться к своим мечтам.

Первый луч рассвета окрашивает небо в розовый цвет, и избушка наконец погружается в сон. Я выжидаю, чтобы она уснула крепче, кутаюсь в шаль и тихонько выхожу на улицу.

Джек сидит на черепе и наблюдает за мной, пока я крадусь вдоль забора. Я прижимаю палец к губам и бросаю на него многозначительный взгляд, который, как я надеюсь, говорит ему: «Пожалуйста, не выдавай меня». Мне повезло: Джек сидит тихо. Но моё сердце стучит так громко, что, кажется, само может разбудить избушку. В ушах звенит обещание, которое я дала бабушке вчера днём.

Прохладная изморозь покрыла кости забора, посеребрив их тонким слоем кристаллов льда. Меня колотит дрожь. Я оглядываюсь по сторонам, проверяя, действительно ли я в безопасном месте. Убедившись, что избушка меня не увидит, я перешагиваю через забор, опускаюсь на камень, где вчера мы сидели с Бенджином, и жду.

Джек устраивается рядом со мной, то и дело суёт голову мне под руку, чтобы я его погладила. Я подкармливаю Джека крошками пряника из кармана передника и слежу за тем, как медленно рассеивается туман.

– Ка-а-ар! – пронзительно кричит Джек. Он взмывает в воздух и неловким взмахом крыльев сбивает один из черепов с забора.

Сердце подпрыгивает до самого горла, и я оборачиваюсь, чтобы проверить, не разбудили ли мы избушку. Но она крепко спит, аккуратно сложив ноги под крыльцом. Я соскальзываю с камня – хочу поднять череп, выпрямляюсь и вижу его – Бенджамина. Широкая улыбка согревает мои щёки, я взволнованно машу ему рукой.

– Привет! – Он улыбается в ответ. – Всё играешь со своими костями?

Я заливаюсь краской, понимая, что по-прежнему сжимаю череп в руке.

– Да, извини, он упал с забора, и я...

– Можно подержать? – спрашивает Бенджамин.

Я передаю ему череп, он поднимает его повыше и смотрит в пустые глазницы.

– Странно, правда?

– Что странно?

– Ну, знаешь, когда-то это был живой человек, ходил себе по улице... Интересно, каким он был, какой жизнью жил?

– Что ж, кто бы это ни был, его больше нет.

Я забираю у Бенджамина череп и возвращаю его на место. Я и так каждую ночь слушаю болтовню мертвецов об их жизни. Прямо сейчас меня куда больше интересует собственная.

– Как ягнёнок? – спрашивает Бенджамин.

– Отлично. Спит у меня в комнате. Я могу принести его, если хочешь, но я подумала, что мы могли бы...

Слова застревают у меня на языке. Прошлой ночью казалось, так просто позвать Бенджамина погулять, но сейчас меня одолевают сомнения. Я никогда не отходила от забора дальше, чем на несколько шагов. Что, если Ба права? Что, если там и вправду опасно?

– Прогуляться? – Бенджамин заканчивает фразу за меня. – Как раз собирался предложить. Мне кое-что надо отнести в хибару, пополнить запасы. – Он указывает куда-то на гору. – Сходишь со мной?

Всё ещё неспособная произнести ни слова, я киваю и сжимаю кулаки, чтобы унять дрожь в руках. Понятия не имею, что такое хибара и что нужно для пополнения запасов, но впервые в жизни я собираюсь уйти далеко от избушки. Это будет первое в моей жизни приключение! От волнения кружится голова. Я делаю глубокий вдох, представляю свою маму на украденной гондоле и говорю себе: «Всё будет хорошо».

За забором

Как только избушка скрывается из виду, мне становится гораздо легче. Конечно, страх попасть в переделку никуда не делся, но я решила, что это только лишний повод наслаждаться каждым мгновением, пока есть такая возможность.

– А что такое хибара?

– Что-то вроде пристанища для путников. Обычно это просто маленькие хижины, в которых может остановиться кто угодно. Но та, в которую мы идём, – это целая пещера на склоне горы.

– И почему ты пополняешь в ней запасы?

– Мой отец учитель. Завтра он ведёт туда детей в поход, вот и попросил меня заранее занести кое-какие вещи. – Бенджамин поворачивается ко мне с улыбкой. – Но я-то понимаю, что это всего лишь повод чем-то меня занять.

– Он работает в твоей школе?

– Да. И это ещё одна причина, по которой я чувствую себя там лишним.

– Правда? Почему же?

Бенджамин пожимает плечами:

– Мало кто хочет дружить с учительским сынком.

Я хмурюсь. Всё-таки слишком многого я пока не понимаю о живых. Из тумана появляется Джек, и мне вдруг становится радостно оттого, что он рядом.

– И это единственная причина?

– Почти все мальчишки постоянно играют в футбол, ну и разговоры у них только о нём.

– Тебе не нравится футбол?

Я смотрю вперёд, и от зрелища захватывает дух. Валуны, по которым мы идём, так глубоко сидят в тумане, что кажется, будто они парят над облаками.

– Нет. Не особо. Я люблю рисовать. – Бенджамин перепрыгивает с камня на камень, и его шаги отдаются странным звонким эхо. – Это место называют Пустыми камнями. Из-за звука, который создают эти валуны, когда по ним ходишь.

Я прыгаю на шаткий валун и балансирую на нём, наклоняясь вперёд и назад. Поверить не могу: это место находится так близко от избушки, а я могла никогда сюда не попасть. Что же ещё в жизни я пропустила из-за того, что мне запрещено выходить за забор? От этой мысли я чувствую себя такой же опустошённой, как эти полые камни.

Бенджамин оборачивается и протягивает мне руку. Я могла бы легко перепрыгнуть на соседний валун, но я обвиваю пальцами его ладонь и вся свечусь, когда он притягивает меня к себе.

– А что ты любишь рисовать? – спрашиваю я.

– В основном птиц. – Бенджамин смотрит под ноги, и я вижу, что его уши слегка порозовели. – Думаю, это ещё одна причина, почему я не вписываюсь. В школе не так много двенадцатилетних, которые любят наблюдать за птицами. Иногда меня за это дразнят.

– Я люблю птиц.

Я вытягиваю руку, и на неё тут же приземляется Джек. Бенджамин смотрит на него с улыбкой.

– Он очень красивый.

– Да, – киваю я. – Это точно.

Поле валунов резко обрывается. Мы ступаем на каменистый склон и медленно поднимаемся в гору. Теперь я вижу, как разевает рот пещера – невысокий, широкий шрам в скале перед нами. Нам приходится карабкаться: к тому времени, когда мы наконец добираемся до пещеры, руки и ноги болят и дрожат от напряжения; поднимаясь по ледяным камням, я вся

окоченела. Но, стоя рядом с Бенджамином и наслаждаясь видом, не испорченным забором из костей, я чувствую себя просто невероятно. Как будто мне что угодно по плечу.

– Хочешь, я разведу огонь? – спрашивает Бенджамин, снимая рюкзак. – Здесь должен быть чай.

– Я могу, – предлагаю я. – Я почти всегда дома разжигаю огонь.

В пещере пахнет несвежими влажными носками, но меня это ничуть не смущает. Как приятно находиться там, где бывают настоящие, живые люди, да ещё и с одним из них. Я иду в дальний угол пещеры, он заставлен разными интересными мне предметами. Кто-то соорудил здесь низенькую деревянную платформу, наверно для того, чтобы на ней сидеть или лежать. Рядом пристроилась небольшая печка с трубой, уходящей вверх сквозь камень. Возле печи аккуратно сложены брёвна, на камнях стоят несколько сковородок и эмалированных мисок.

Развести огонь оказывается совсем не сложно: щепки для растопки уже подготовлены, мелкие ветки нарезаны, дрова сухие. Проходит всего несколько минут, и в печи уже пляшут языки пламени, и по пещере разливается тепло.

– Хорошо получилось. – Бенджамин греет руки у огня.

Я улыбаюсь:

– А что ребята будут делать завтра в походе?

Я пытаюсь представить себе, какой урок можно провести в горах и каково было бы оказаться здесь с целой группой детей. Наверно, это так весело.

– Думаю, они будут изучать камни. Здесь все записи моего отца. – Бенджамин достаёт из рюкзака папку и передаёт её мне, а сам тем временем аккуратно складывает в коробку, стоящую в углу, разные мелочи: рулетки, мотки ниток и крошечные лупы.

Я просматриваю бумаги в папке, но толком ничего не могу разобрать. Как мне хотелось бы прийти сюда завтра и посмотреть, чем будут заниматься дети!

– Бутерброд? – Бенджамин разворачивает небольшой кулёк и передаёт мне. Хлеб идеально ровный, квадратный и белый – совсем не похож на бабушкин, домашний. Бенджамин показывает, как положить в бутерброд поджаренный картофель, чтобы он хрустел, когда на него надавливаешь. – Вкусно, правда?

– М-м-м, – киваю я и отрываю корку для Джека.

– Он всегда с тобой?

– Почти.

Я поглаживаю мягкие перья на груди Джека и даю ему ещё кусочек хлеба. Он быстро прячет его ко мне в носок и тянет за шнурок ботинка.

– Всё время прячет еду на потом, – объясняю я. – Думаю, это инстинкт. Но он всегда со мной делится. А ещё играть любит: кататься, скользить, качаться на ветках. Иногда я сама собираю для него головоломки из палочек и ниток.

От этих мыслей ноет сердце. Я люблю играть с Джеком, а когда я была маленькой, любила играть и с избушкой. Но я всегда мечтала поиграть с живым человеком. С кем-то своего возраста. С бабушкой бывает весело, но у неё слишком болят ноги, так что ни в догонялки, ни в мяч с ней не поиграешь.

– Я хочу нарисовать его. – Бенджамин достаёт из рюкзака жестяную банку с карандашами и толстый блокнот.

– Можно посмотреть твои рисунки? – Я наклоняюсь, чтобы рассмотреть обложку.

Уши Бенджамина снова краснеют, но он всё же отдаёт мне блокнот. Я листаю его и вижу птиц, диких и домашних животных, прорисованных до мельчайших деталей.

– Это удивительно. – Я переворачиваю страницу и вижу незаконченный портрет женщины с прямыми волосами и добрыми, как у Бенджамина, глазами.

– Это моя мама. Я рисовал её по фотографии. – Он забирает у меня блокнот, переворачивает страницу и достаёт из банки карандаш. – Можно тебя нарисовать? Мне нечасто удаётся найти кого-то, кто мне попозировует.

Я не знаю, куда смотреть, поэтому продолжаю кормить Джека хлебом, пока карандаш Бенджамина с шелестом носится по бумаге. Он рассказывает мне, как ему хотелось бы обучаться искусству, как он мечтает стать художником, когда вырастет. Мне бы тоже хотелось самой выбирать, кем я стану. Так сильно, что это желание вызывает боль глубоко в груди.

– Ты веришь в судьбу? – Слова вырываются сами.

– Не знаю. А ты?

Я поднимаю глаза и глубоко вздыхаю. Всю жизнь мне говорили: моя судьба predetermined. Мне хочется верить, что я могу как-то избежать или изменить её. Но я не знаю, как объяснить это Бенджамину.

Я всё ещё не нашла что ответить, когда Бенджамин откладывает карандаш, переводит взгляд с меня на бумагу и передаёт мне блокнот. Я разглядываю девочку на странице: вьющиеся волосы, нос в веснушках. Она улыбается, бросая крошки гордой галке. Так странно смотреть на себя чужими глазами. Не знаю почему, но я вдруг ощущаю себя более настоящей.

– Ты отлично уловил Джека, и... – Я рассматриваю свои глаза на рисунке. Хоть я и улыбаюсь, глаза у меня грустные. Может, Бенджамин специально нарисовал их такими, а может, и нет, но в любом случае мне кажется, он и меня отлично уловил. – Ты прекрасно рисуешь.

– Спасибо, – отвечает Бенджамин, убирая блокнот в рюкзак. – Я немного доработаю рисунок сегодня вечером, а потом, если захочешь, подарю его тебе. Может, погуляем завтра вместе? Я бы показал тебе город.

Сердце останавливается. Я хочу этого больше всего на свете – побродить по городку у озера. Но разве я могу?

Гнев прожигает меня насквозь. Это нечестно, что Ба и избушка заставляют меня сидеть за забором. Что может быть плохого в небольшой прогулке с другом?

– Да, – уверенно говорю я. – Я приду.

Не знаю как, но я сделаю это. Если я упущу эту возможность познать дружбу и жизнь за забором, кажется, моё сердце разобьётся на тысячи осколков.

Мы возвращаемся через долину Пустых камней. Воздух холодный, но кожа у меня буквально пылает. В голове роятся идеи побега, но они рассыпаются, стоит мне попытаться удержать хотя бы одну.

Бенджамин провожает меня, пока не показывается избушка. Она всё в той же позе, похоже, спит. Осторожная улыбка трогает мои губы: я понимаю, что мне удалось уйти незамеченной.

Мы договариваемся о завтрашней встрече. Бенджамин говорит, он так и не спросил отца про ягнёнка, и я отвечаю, что с радостью оставлю его у себя ещё на одну ночь.

Когда я перелезаю через забор, кажется, всё складывается как нельзя лучше. Я думаю о маме и её полуночном путешествии на гондоле, о том, что иногда стоит нарушить правила, ведь тогда может случиться что-то замечательное. Сегодняшний день был удивительным, а завтрашний будет ещё лучше.

Я открываю дверь, и меня обнимает тепло. Ба всё ещё в постели, в доме тихо. Даже ягнёнок спокойно спит в моей комнате, положив голову на поросший мхом бугорок земли. Я ныряю в мягкие объятия своего матраса и улыбаюсь. От восторга хочется визжать, и мне приходится накрыть лицо подушкой. Не могу поверить, что всё это происходит наяву! Как будто звёзды наблюдали за моими мечтами и теперь одну за другой претворяют их в жизнь. Я закрываю глаза и проваливаюсь в сон, надеясь, что звёздам под силу изменить и мою судьбу.

Кажется, проходит всего две минуты, и меня будит треск костей. За окном темно, значит, я проспала почти весь день. Я сажусь на кровати и смотрю в окно. Забор дрожит и покачивается под напором воздуха. Меня накрывает холодная волна ужаса.

Череп и кости с душераздирающим грохотом срываются с забора, летят, катятся и прыгают в чулан для скелетов, притягиваемые мощным дыханием избушки. Дверь чулана захлопывается, и избушка резко поднимается.

– Нет! – только и успеваю закричать я, вскакиваю с кровати и тут же спотыкаюсь о поросшую мхом крепость. Ягнёнок истошно блеет, перескакивает через забор и скользит копытами по полу. Джек срывается со своего насеста на спинке моей кровати и, каркая, описывает круги по комнате. А избушка идёт себе длинными, ровными шагами.

– Нет! Нет! Нет! – Я распахиваю дверь своей комнаты. – Ба, умоляю, останови её!

Ба появляется передо мной, тонкие редкие волосы разлетелись вокруг её головы, как нимб.

– Что стряслось? Что не так?

– Останови её! – кричу я, и слёзы катятся по щекам.

Избушка набирает ход, скачет вперёд ритмичным шагом. Я падаю на пол и хватаюсь руками за голову. Ба встаёт на колени рядом со мной и поглаживает меня рукой по спине.

– Что остановить, милая?

– Избушку! – кричу я ей.

– Ты же знаешь, что я не могу, – вздыхает Ба. – Знать, пришло время продолжить путь.

– Но мы пробыли здесь каких-то две недели!

Не может этого быть. Только не сейчас. Бенджамин вернётся, с его большими карими глазами и добродушной улыбкой. Мы отправимся в город. Мы станем хорошими друзьями. Впервые в жизни у меня есть и мужество, и возможность вырваться на свободу и познать жизнь там, за забором. И вот избушка отбирает всё это у меня.

– Я хочу остаться здесь, Ба, – всхлипываю я.

– Ох, Маринка.

Ба обнимает меня, эти объятия и утешают, и душат. Избушка уже перешла на галоп, уносит меня от Бенджамина, от моего единственного шанса обрести друга и побродить по сияющему городу на берегу озера.

– Ты же знаешь, нам нужно переезжать с места на место, чтобы живые не нашли Врата. Это важно...

– Но почему? – в гневе кричу я, отстраняясь. – Что такого важного? Все живые в конце концов придут к Вратам! Все они умирают! Почему это должно быть такой великой тайной? Почему мы нигде не можем задержаться подольше и завести друзей? – Я смотрю на неё горящими глазами. Она должна, должна остановить избушку, вернуть её назад. – А барашек! – кричу я.

– Пусть остаётся с нами, – мягко отвечает Ба. – Весной наварим постного борща.

– Ты не понимаешь.

А я не могу сказать, что Бенджамин вернётся и будет искать своего барашка, но всё, что он найдёт, – это каменистый выступ скалы, такой же пустой, как мои мечты и надежды. Я не могу сказать ей, как это больно.

– Ненавижу эту избушку! Ненавижу эту жизнь!

Будто со стороны я слышу, как выкрикиваю бабушке грубые слова, вижу, как отталкиваю от себя её руки. Меня потряхивает от страха, что я совсем не властна над своими эмоциями

и действиями. И пока я остаюсь в этой избушке, я никогда не буду властна над своей жизнью, будущим и судьбой.

Я бегу в свою комнату, бросаюсь в кровать и рыдаю, пока меня не сражает сон. Избушка скачет всю ночь.

Пустыня

Горячий, сухой воздух когтями впивается мне в горло. В окно льётся ослепительно яркий свет. Я заставляю себя подойти к окну и осмотреться, прикрывая ладонью глаза. Песок и только песок. Слепящее солнце. Дрожащий от жары воздух. Куда ни глянь, ни намёка на соседство людей.

Я с силой выдыхаю, пытаюсь смахнуть со лба влажные от пота волосы. На сердце такая тяжесть, что кажется, будто оно вот-вот остановится. Никогда мне не было так больно, как сейчас. Мои надежды только-только окрепли и тут же разбились вдребезги, а на осколках станцевали дурацкие куриные ноги избушки.

Джек стучит клювом по окну, и створка раскрывается. Горячий воздух бьёт в лицо, будто кто-то открыл дверцу раскалённой печи. Джек расправляет крылья, с минуту стоит, оглядывая окрестности, а затем безо всякого изящества плюхается в песок. Что ж, удачи с поисками еды.

Я не притрагиваюсь к каше с вареньем и игнорирую бабушкины попытки завести беседу. Пропускаю мимо ушей её предложения принять горячую песочную ванну, порисовать или отправиться вместе с Джеком на поиски скарабеев и скорпионов.

– Брось, Маринка, разве всё так плохо? Ночью придут мёртвые, у нас будет такой праздник!

– Что это за праздник, когда все гости мертвы, – бурчу я.

– Ещё какой праздник! – Бабушкино лицо расплывается в улыбке, а глаза блестят от волнения. Я отворачиваюсь, и Ба вздыхает. – Ты же сама сказала вчера, что хочешь с кем-то подружиться.

Я смотрю в окно. Глаза пощипывает.

– Каждую ночь ты можешь заводить новых друзей, – мягко говорит Ба.

– Мёртвых? – усмехаюсь я.

– Да, мёртвых. – Ба пожимает плечами. – Живые, мёртвые – какая разница? Люди они и есть люди.

Я хватаюсь руками за голову. Живые и мёртвые – это не одно и то же. Между ними огромная разница.

– Если бы у тебя нашлось время выслушать...

– Какой смысл слушать их? – Мой голос срывается на крик. – К утру они все исчезнут!

– Если бы у тебя нашлось время выслушать, – спокойно повторяет Ба, – ты узнала бы их истории. Их жизни прибавились бы к твоей, и этот бесценный дар от тебя никуда не денется.

– Но это не дружба! – кричу я. – Дружба – это когда вы вместе можете что-то делать, когда друг всегда рядом с тобой, а не только одну ночь!

– Мёртвые должны пройти сквозь Врата, ты же знаешь.

– Так дай мне тогда подружиться с живыми. – Я смотрю ей прямо в глаза. В этом взгляде и вызов, и мольба.

– Так нельзя. – Ба отворачивается и мотает головой. – Яге так не положено. Мы должны охранять избушку и Врата от живых.

– Но я не расскажу им ни о Вратах, ни об избушке.

– Я понимаю. – Ба кладёт руку на мою. – Но это просто небезопасно. Мы должны отделять мир мёртвых от мира живых. Это наш долг как Хранителей Врат.

– А что, если я не хочу становиться Хранителем? – Слова, которые я так долго держала в себе, срываются с губ.

– Стать Хранителем – твоя судьба.

– А если нет? – Я высвобождаю свою руку из-под её. – Что, если я не хочу такой судьбы?

– Нет, Маринка. Есть в жизни то, чего нам не дано изменить. – Ба не повышает голос, но он становится твёрже, как будто сила одних только её слов может убедить меня. Джек залетает в окно и садится на пол в тени стула. – Птицы должны летать, рыбы – плавать, а ты – быть следующим Хранителем.

– Если бы родители были живы... – Мой голос дрогнул и оборвался.

– Ты бы стала следующим Хранителем, просто жила бы в их избушке. У тебя было бы больше времени подготовиться, но потом ты всё равно бы стала Хранителем. – Ба снова берёт меня за руку. – Мне жаль, действительно жаль, что они погибли. Но я старалась растить тебя, как это делали бы они. Я люблю тебя так же сильно, как они любили, и желаю тебе только счастья.

– Но я несчастна! – рыдаю я. Глаза застилают слёзы, и комната превращается в калейдоскоп из звёзд и пузырей.

– Ты должна смириться с тем, кто ты есть. – Ба сжимает мои пальцы. – В твоих жилах течёт кровь Яги, и тут уж ничего не поделаешь. Если бы ты больше заботилась о жизни, которая у тебя есть, а не тратила время на мечты о той, которой нет, думаю, ты стала бы куда счастливее.

От бабушкиных слов мне нисколько не легче. Она не понимает, как сильно я хочу убежать от всего этого. Я встаю слишком резко и опрокидываю стул.

– Мне пора кормить ягнёнка, – бросаю я и выхожу на улицу набрать воды из колодца.

Никаких признаков жизни. Ни растений, ни зверей, ни одной птицы в небе, нет даже насекомых, которые копошились бы в песке. Нигде нет воды, и колодец наполовину пуст. Повежёт, если её хватит хотя бы на неделю. По крайней мере, избушка не задержится здесь надолго.

Стены избушки скрипят, и она, чуть покачиваясь, зарывается поглубже в песок, будто бы услышав мои мысли и теперь всем своим видом показывая, как ей здесь хорошо. Я пинаю песок и шагаю обратно в свою комнату, не остановившись даже, чтобы согреть воду для ягнёнка.

Джек садится мне на плечо и тыкается клювом мне в ухо. Я глажу его и кормлю козиками, затем начинаю готовить бутылочку для ягнёнка. Молочной смеси, которую дал мне Бенджамин, осталось совсем немного. Надеюсь, и обычное сухое молоко подойдёт.

В комнате грязно и плохо пахнет: спасибо ягнёнку, который провёл здесь всю ночь. Думаю, целый день сегодня придётся убирать, да и забор, конечно, надо выстроить. Потом будет готовка, провода мертвецов... Не может быть, чтобы такой была вся моя жизнь. До самого последнего дня. Нет, я хочу большего. Хочу увидеть маленькие и огромные города. Хочу ходить на разные шоу и концерты, фестивали и танцы. Я хочу встречаться с живыми людьми и дружить с ними.

Я решила назвать ягнёнка Бенджи. Каждый раз, глядя на него, я буду вспоминать друга, который мог бы у меня быть, если б у дурацкой избушки не было ног. Я буду чувствовать ту же боль, что и сейчас, и изо всех сил стараться избежать такого же будущего, как моё настоящее.

День тянется мучительно долго. Жара стоит невыносимая, и, хоть я устала после долгой работы по дому, я не могу уснуть после обеда, а ведь надо бы. Даже когда солнце садится и температура потихоньку спадает, легче мне не становится.

Ба зовёт меня посмотреть закат на крыльце. Она говорит, небо просто великолепно.

– Я мешаю борщ, – коротко бросаю я, отправляя в котёл пригоршню чеснока.

Через несколько минут Ба, шаркая, заходит в дом, забирает у меня ложку и кладёт мне на ладонь крошечный розовый с белым цветок в форме звёздочки. Он невероятно красивый и не похож ни на один из цветов, которые я видела раньше.

– Ты нашла его там? – удивляюсь я.

– Ну, мне помогли. – Ба кивает на Джека, который торопится запрыгнуть внутрь. Он горделиво расправляет перья. – Я попросила его найти красивый цветок для моей пчёлки.

Ба целует меня в щёку и обнимает. Моя голова опускается ей на плечо, и вдруг до меня доходит: какая же она маленькая! За этот год я выросла так, что теперь смотрю на неё сверху вниз.

– Не называй меня так. Я уже не ребёнок.

– Ты всегда будешь моей маленькой пчёлкой.

Ба берёт цветок и вставляет его мне в волосы за ухом. Её запах обволакивает меня: лавандовая вода, хлебные дрожжи, борщ и квас. Я вдыхаю такой знакомый аромат, и часть гнева во мне утихает. Он всё ещё там, жжёт в животе, но, кажется, Ба сумела ненадолго унять его.

Мёртвые прибывают с первыми звёздами. Сегодня они удивительно яркие – в струящихся одеяниях и тонких шарфах самых разных оттенков. У всех, даже у стариков, длинные, блестящие волосы цвета воронова крыла. В борщ они добавляют специи, а воздух наполняют сиянием. Ба даёт им гитары, и они настраивают их каким-то незнакомым мне способом, наигрывают мелодии, чуждые для моего уха: таинственные трели и причудливые гармонии. Избушка ритмично приподнимается и опускается, когда мертвецы хлопают в ладоши и отбивают такт ногами.

Когда мертвецы пускаются в пляс вокруг меня, мои ноги начинают предательски отбивать ритм. Вокруг сплошь улыбки и смех. Должно быть, они прожили очень счастливые жизни, и мне хотелось бы узнать, что за воспоминания приносят им столько радости. Я прислушиваюсь, но язык мёртвых мне всё ещё не даётся.

Когда появляются Врата, в животе начинает ныть от ощущения пустоты. Сейчас они уйдут, не дав мне возможности узнать их получше – как и все, кого я встречала в жизни. Ба целует их в щёку, произносит слова Путешествия мёртвых, и они исчезают один за другим. Живые, мёртвые – может, никакой разницы и нет. Никто не задерживается надолго.

Я вызываюсь заняться уборкой. Всё равно мне не уснуть. Ба крепко обнимает меня и уходит спать, а я слоняюсь по комнате, собираю миски и стаканы. Я наполняю большую корзину грязной посудой и несую её на улицу, чтобы вымыть.

И тут я вижу её.

Она сидит на ступеньках крыльца и смотрит в небо. На ней длинное зелёное платье и шарф, гладкие, как шёлк, и блестящие, как весенняя листва после дождя. Она выглядит почти как живая, только края её силуэта сливаются с цветом ночи.

По небу проносятся метеоры. Древние старейшины верят, что это – странствующие души мёртвых, так говорит Ба. Я с открытым ртом смотрю на девушку.

– Тебе нельзя здесь находиться. Ты должна была пройти сквозь Врата.

– Я не хотела.

– Но ты должна.

Даже когда я произношу эти слова, в голове возникает вопрос: «*Должна ли? Действительно ли она должна уйти?*» Врата всё равно уже закрыты, ей не пройти. Первый раз на моей памяти происходит что-то подобное. Мёртвые всегда уходили.

И тут другая мысль как гром поражает меня.

– Скажи ещё что-нибудь! – настаиваю я, с грохотом роняя корзину, полную грязной посуды.

– Я не хочу уходить, – тихо бормочет девушка, и мне хочется её обнять. Потому что, хоть она и говорит на языке мёртвых, я понимаю каждое её слово.

Нина

Её зовут Нина, мы разговариваем каких-то пять минут, и я тоже не хочу, чтобы она уходила. Нам обеим по двенадцать, но она гораздо меньше меня. У неё тёмные прямые волосы, у меня – рыжие и кучерявые, и у обеих небольшая щербинка между передними зубами.

Мы наблюдаем за падающими звёздами и рассказываем друг другу истории, которые слышали о них, – хотя я и не говорю Нине о душах мёртвых. Я вообще не хочу говорить о смерти и о том, почему Нина оказалась здесь.

Нина слышала, что падающие звёзды – это козлы, которые волочат свои копыта, разбегаясь по небу. Больше всего Нина говорит о животных. Мы болтаем часы напролёт, составляем из звёзд причудливые картины и вспоминаем сказки о созвездиях, названных в честь черепах, жирафов, скорпионов и змей.

Наконец звёзды в небе тают и оно поддёргивается розовым светом. Нина поднимается и делает несколько шагов прочь от крыльца.

– Подожди! Куда ты? – Я хочу удержать её, но, конечно, мои пальцы лишь проходят сквозь её руку.

Она всё же останавливается и смотрит на бесконечные пески, хмурия брови.

– Не знаю куда, – шепчет она. – Я ведь не знаю, где я.

– Там ничего нет. – Я машу рукой в сторону пустыни. – Оставайся здесь, со мной.

В голове роятся мысли: по ночам, когда открываются Врата, я могу прятать её в своей комнате; днём мы можем вместе проводить время, болтать, играть в разные игры, а потом, когда избушка сорвётся с места, будем вместе путешествовать по новым неизведанным далям...

– Но я должна... мне нужно...

– Пойдём, я покажу тебе барашка, – быстро перебиваю её я.

– У тебя есть барашек?

– Да, он остался сиротой. Я забочусь о нём.

Я поднимаю корзину с посудой, которую давно уронила, и зову Нину посмотреть на домик Бенджи, который я перенесла на заднее крыльцо, пока убирала в комнате. Там он и уснул, зарывшись в мою старую шаль. Заслышав нас, он просыпается и вытягивает голову, явно желая, чтобы его погладили и дали молока.

– Такой милый! – Нина улыбается, щечечет Бенджи под подбородком, а он пытается лизнуть её пальцы. – У нас был верблюд, но отец продал его несколько лет назад. Мы тогда переехали в новый белый дом на краю пустыни. – Улыбка Нины становится шире, когда её захватывают воспоминания. – Там был колодец, и мой отец выкопал небольшие каналы, чтобы поливать почву. Он посадил инжир, жожоба, апельсиновые деревья и могар. Он даже вырастил олеандр, потому что мама очень любила цветы. – Тень печали падает на лицо Нины. – Мама заболела первой. Затем мои сёстры. Затем я... – Её глаза сужаются, она силится вспомнить. – Почему я здесь?

Я набрасываю на неё свою шаль: я видела, что Ба так делает, когда мёртвые не хотят проходить сквозь Врата. Странно, но моя шаль не падает с её плеч, хоть я всё ещё не могу дотронуться до неё рукой. Ба говорит, всё дело в избушке. Она даёт мёртвым силы для их путешествия, и поэтому они кажутся совсем настоящими. В чём-то они снова становятся как живые, но не во всём, и каждая душа меняется по-своему. Во время проводов мёртвые могут есть и пить, хотя их тела находятся не здесь, а затем они, совсем невесомые, уплывают куда-то к звёздам.

Я заканчиваю мыть посуду и складываю её в корзину сушиться.

– Хочешь каши? – спрашиваю я. – Это крупа на молоке, – уточняю я, потому что Нина смотрит на меня в замешательстве.

Из дома доносятся шаги. Ба уже проснулась и напевает радостную мелодию.

– Тс-с-с! – Палец взлетает к губам, всё тело немеет от испуга. – Оставайся здесь, с Бенджи. Я принесу тебе еды, – шепчу я.

Дверь скрипит так громко, что мне кажется, будто избушка прознала про Нину и теперь хочет меня выдать. В раздражении я быстро захопываю её, руки трясутся. Каждый раз, как у меня появляется возможность с кем-то подружиться, избушка норовит всё испортить.

– Ты рано встала. – Ба целует меня в щёку.

– Я ходила проведать ягнёнка. – Я отворачиваюсь, чтобы она не заметила, как моё лицо заливается краской. – Можно я позавтракаю с ним на улице? Такое дивное утро сегодня.

– Конечно, – улыбается Ба. – Я рада, что сегодня у тебя хорошее настроение.

Я виновато киваю и принимаюсь готовить молоко для Бенджи и кашу для нас с Ниной. Я перемешиваю кашу в большой кастрюле, натираю в неё шоколад и кладу в карман лишнюю ложку.

Мы с Ниной завтракаем на заднем крыльце. Я радуюсь, что выбрала для домика Бенджи одно из слепых мест. Даже если избушка знает о Нине, она не может услышать наш разговор. Джек устраивается рядом с нами и клюёт кашу с моих рук, как когда-то давно, когда был ещё птенцом. Я рассказываю Нине, как я нашла и вырастила его.

– У тебя есть братья или сёстры? – спрашивает она.

– Нет. – Я мотаю головой. – Я живу с бабушкой. Родители умерли, когда я была совсем маленькой.

– А у меня пять сестёр, – вздыхает Нина. – Ни минуты тишины и покоя.

– Мне бы понравилось. Слишком уж здесь тихо. – Я прикусываю губу, слыша бабушкино пение.

Нина смотрит вдаль, и, кажется, её силуэт начинает расплываться.

– Я не знаю, как мне добраться домой, к сёстрам.

– Наша избушка умеет ходить, – радостно сообщаю я. – Может, она согласится отнести тебя домой.

– Правда? – Нина хмурит брови.

– Наверно. – Ложь заставляет меня снова покраснеть. – Не думаю, что мы задержимся здесь надолго, максимум на неделю или две. Потом избушка перенесёт нас в новое место – может, в джунгли, в горы или на берег океана.

– Ты видела океан? – Глаза Нины загораются.

– Конечно.

– Какой он? – Она нетерпеливо ёрзает на стуле.

– Чем-то он похож на пустыню. Только вместо песков – вода без конца и края. Волны движутся, как дюны, только быстрее. Солёные брызги обжигают лицо, как песок, принесённый ветром.

– Но ведь там всё совсем по-другому?

– Да. Там прохладно, свежо и...

– Мокро? – угадывает Нина.

– Да, очень влажно, – смеюсь я.

– Я так хочу увидеть океан! Можешь попросить вашу избушку отнести нас туда?

Хотелось бы, чтобы это было в моих силах. Быть может, если я покажу Нине океан, она передумает возвращаться домой.

– Избушка сама решает, куда ей идти, – неохотно признаюсь я. – Но она часто останавливается на берегу моря, – добавляю я, когда вижу отчаяние на лице Нины. – Не так давно мы остановились на маленьком острове. Куда ни бросишь взгляд – везде океан. Он менял цвет по

сто раз в день, переключаясь с цветом неба и светом солнца. Волны омывали берег и гоняли по краю пляжа гальку то вверх, то вниз. Мёртвые... – Я замолкаю.

– Мёртвые? – переспрашивает Нина.

Я чуть было не заговорила о том, как мёртвые брели прямо по воде, но быстро вспомнила о другом случае, чтобы замести следы.

– Один раз волны выбросили целую кучу мёртвых медуз. Они были такие скользкие, совсем прозрачные. Джек съел одну и отравился.

Джек взъерошивает перья и отворачивается.

– Вот глупыш, – смеётся Нина. – Он такой милый. Тебе повезло, что у тебя есть питомец.

– Он теперь не совсем мой, он может сам о себе заботиться. Когда Джек научился летать, я думала, он бросит нас. Но он всегда возвращается. И я этому рада.

– Думаешь, он останется с вами навсегда? – спрашивает Нина.

– Надеюсь.

Я смотрю на Джека, а в горле стоит ком. Ничто не навсегда. Всё уходит: живые, мёртвые, избушка. Я гоню от себя эту мысль и спрашиваю:

– Мне надо осмотреть забор. Сходишь со мной?

Нина кивает, и я веду её в дальний угол, где избушка не увидит нас своими окнами. Я окидываю взглядом контур ограды, чтобы убедиться, все ли кости на месте. Я говорю Нине то же самое, что Бенджамину, – это традиция. Она смотрит на черепа и съёживается.

– У нас таких странных традиций точно нет.

На секунду я вижу избушку глазами Нины. Пустые черепа, надетые на обветренные кости. Неровные деревянные стены, кривая крыша с изогнутой трубой. Балюстрада крыльца, опоясывающего дом, где выше, где ниже, изгибается под странными углами. Под покосившиеся сваи набился песок, в который закопались ноги.

Нина описывала свой дом чистым и белым, утопающим в цветах и ароматах красивых кустарников и деревьев. Представляю, каким странным и даже жутким ей должен казаться мой дом. Я поворачиваюсь к избушке спиной и перелезаю через забор.

– Пошли, – зову я Нину. – Прогуляемся немного.

Как только мои ноги касаются песка на той стороне забора, волна восторга накрывает меня. Сейчас меня не волнует, что я послушалась бабушку. Меня не беспокоит даже, что меня могут поймать. Всё, что я чувствую сейчас, – это радость побега, даже если продлится он совсем недолго.

Я снимаю обувь и позволяю песку обнять мои стопы. Избушка остаётся позади. Огромное золотое солнце сидит низко на горизонте, согревая неподвижный воздух. Нина останавливается и садится на корточки возле маленькой круглой ямки, не шире моей ладони.

– Это ловушка. – Она показывает в центр. – Там зарылся муравьиный лев, насекомое с огромными челюстями. Он спрятался внизу и ждёт, когда появится муравей.

– И что, муравей просто падает в яму? – Мне интересно, почему он не может её обойти.

– Он скатывается по склонам воронки. Муравей изо всех сил пытается спастись, но не может. – Голос Нины становится ниже, она складывает запястья вместе и изображает пальцами, как муравей отчаянно перебирает ножками. – Он скользит и скользит, подталкиваемый песком, и наконец падает прямо в пасть муравьиного льва. – Нина захлопывает ладони и смеётся.

– Хочешь, подождём тут, понаблюдаем?

Мы усаживаемся на песок и смотрим на воронку в песке.

– А если появится муравей, мы спасём его? – спрашиваю я. – Ну, знаешь, в последний момент...

– Ты прямо как моя сестра, – улыбается Нина. – Конечно, ты можешь его спасти, но тогда муравьиный лев останется без обеда. А ведь на самом деле муравьиный лев – это личинка.

Если он будет хорошо питаться, он превратится в красивое насекомое, похожее на стрекозу, с четырьмя крыльями в крапинку и глазами, которые в сумерках светятся серебром.

Теперь я не знаю, что делать. Я не хочу помешать муравьиному льву превратиться в красивую стрекозу и не хочу смотреть, как умирает муравей. Но муравей так и не появляется, и я чувствую облегчение.

Солнце поднимается всё выше, и на горизонте заметны поблёскивающие волны жара. Теперь муравьи точно попрятались, иначе они изжарятся на раскалённом песке ещё до того, как попадут в ловушку. Сердце замирает, когда я понимаю, что придётся вернуться домой – лишь там можно найти тень.

Я тихонько провожаю Нину в свою комнату, пока и избушка спит, и Ба задремала в своём кресле с балалайкой в руках. Печная труба приподнимается и опускается, осторожно вдыхая, и в комнате ощущается освежающее дуновение ветра. Избушка может казаться старой и странной, но, по крайней мере, она заботится о бабушке. Я осторожно закрываю дверь в свою комнату, чтобы не разбудить их обеих.

Окно распахнуто, в него льётся жар. Джек сидит на подоконнике и смотрит вдаль полузакрытыми глазами, чуть приподняв крылья в надежде уловить ветерок. Мы с Ниной сидим на полу. Я показываю ей, как играть в шашки, а она учит меня игре, в которой один должен угадать, что думает другой. Но у меня не очень-то получается, и в конце концов я засыпаю, так и не догадавшись, какой же оранжевый цветок она загадала.

Когда я просыпаюсь, воздух уже прохладный и мягкий. В черепках горят свечи, отбрасывая на песок жёлтые отблески и чёрные тени. До меня доносится пение: Ба уже вовсю готовит еду для мёртвых.

Грудь сдавливает, дышать становится тяжело. Нина не должна проходить сквозь Врата, раз она не хочет, и я не должна снова терять друга. Избушка пытается контролировать и мою жизнь, и её. Это несправедливо.

Я сдвигаю шторы, чтобы скрыть от Нины черепа, притягивающие взгляд. Затем я даю ей почитать книгу и беру с неё обещание ни при каких обстоятельствах не выходить из комнаты.

Но, когда я прихожу помочь бабушке подготовиться к проводам, перед глазами всё время стоит навязчивый образ: Врата открываются и затягивают Нину внутрь, как муравья, угодившего в ловушку. От мысли, что я могу потерять её, кровь стынет в жилах. Я не знаю, как это предотвратить. И не знаю, как мне управлять собственной судьбой.

Урок плавания

Ба сварила уху из рыбных консервов и овощей. Дерево потрескивает в очаге, языки пламени облизывают стенки котла. Жара, запах рыбы и специй, страх потерять Нину – всё это смешивается, и меня тошнит.

– Сегодня у нас рыбный пир для мертвецов из пустыни.

Ба улыбается и кивает в сторону стола. На нём уже расставлены стаканы и квас и ещё куча блюд из рыбы: маринованная сельдька с холодной сметаной из погреба, блины с копчёным лососем и укропом, солёная сушёная вобла, маленькие пельмени с рыбной начинкой. Делать мне уже нечего, так что я сажусь и беру себе блин, надеясь, что еда успокоит ноющий желудок.

– Ты выпалась? – спрашивает Ба, и я киваю:

– Извини, что не помогла тебе с готовкой.

– Ничего.

Ба пристально смотрит на меня, и я пытаюсь понять, не подозревает ли она меня в чём-то. Я приподнимаюсь на стуле и оглядываю стол.

– Всё очень аппетитно.

– Да, иногда вместо борща хочется чего-то новенького. – Ба пробует рыбный бульон и добавляет в котёл немного перца. – Давай повторим слова Путешествия мёртвых.

– Я их не знаю. – Я хмурюсь и добавляю про себя: и не хочу знать.

Тысячу раз я слышала слова Путешествия мёртвых и делала всё возможное, чтобы пропустить их мимо ушей.

– Попробуй, – настаивает Ба. – Соловей не вспомнит песню, пока не запоёт.

Я тяжело вздыхаю и начинаю говорить, спотыкаясь на каждом слове:

– *Да пребудет с тобой сила в твоём долгом и трудном путешествии. Звёзды ждут тебя.*

– *Зовут тебя,* – поправляет Ба.

– *Отправляйся в путь с благодарностью за время, проведённое на земле.* – Я тру виски, делая вид, что пытаюсь что-то вспомнить.

– *Каждый миг становится вечностью,* – шепчет Ба.

– Дальше что-то о бесконечно ценном? – спрашиваю я, и мои мысли возвращаются к Нине. Как здорово было бы показать ей океан...

– *Ты несёшь с собой воспоминания о бесконечно ценном,* – кивает Ба. – А затем...

– Дальше идёт кусок, который всё время меняется. – Я запикиваю в рот блин, надеясь, что теперь-то Ба перестанет меня спрашивать.

– Всё верно, – улыбается она. – Ты перечисляешь, что душа получила от своей жизни и теперь уносит к звёздам. Чаще всего это любовь семьи и друзей, но у мертвецов бывает множество других даров: волшебство музыки, радость открытий, свет надежды...

Ба продолжает говорить, но мой разум уже не здесь. Если я проведу всю жизнь, провожая мёртвых, то что сама смогу взять с собой к звёздам?

– Маринка? – Ба снова возникает передо мной и ставит на стол тарелку с пряниками.

– Что, прости? – бормочу я.

– Ты помнишь последние слова?

Я вздыхаю и мотаю головой.

– *С миром возвращайся к звёздам.* – Ба описывает руками в воздухе круг. – *Великий цикл завершён.*

Шею сзади неприятно покалывает, как иголками, когда Ба скрещивает руки на груди, смотрит мне прямо в глаза и говорит:

– Круг должен замкнуться.

Сердце бьётся быстрее, мне дурно. Она знает. Она знает про Нину. Я отвожу взгляд и вытираю вспотевшие ладони о юбку.

– Вот почему труд Хранителя так важен. Мы обязаны помочь душам завершить их путешествие. Вернуться к звёздам, откуда они когда-то прибыли.

– А если они этого не сделают? – тихо спрашиваю я и ощущаю покалывание по всей голове.

Ба на секунду застывает, даже приоткрывает рот от удивления. Может, она и не знает про Нину.

– Они навсегда останутся потерянными! – Ба тяжело дышит, как будто хуже этого ничего не может быть во всей Вселенной.

Я беру с тарелки пряник и смахиваю с него крошки. Я не голодна, просто пытаюсь отвлечься. Не хочу думать о том, что только что сказала Ба.

– Думаю, пора тебе произнести слова Путешествия мёртвых. – Ба медленно кивает. – Сегодня ты должна провести кого-то через Врата.

– Нет, не могу. – Я мотаю головой и машу руками. – Я не готова.

– Иногда, чтобы научиться, нужно просто нырнуть. – Ба широко улыбается, я вижу все её неровные зубы. – Помнишь, как ты училась плавать?

Я закатываю глаза и издаю стон. Конечно, помню. Избушка тогда стояла на отвесной скале над глубокой лагуной с тёплой лазурной водой, по её ровной глади был разлит солнечный свет. Ба всё время просила меня искупаться, но я боялась намочить лицо.

Как-то раз я стояла на скале и смотрела через лагуну на далёкий океан. Вдруг избушка резко поднялась, выпрямила одну из своих тощих длинных ног и столкнула меня в воду. Мой полёт длился секунды, я истошно кричала, пока не оказалась в странной звенящей тишине подводного мира. Борьба с водой показалась мне вечностью, но я наконец вырвалась на поверхность, хватая ртом воздух и отчаянно пытаюсь нащупать хоть что-то твёрдое. Но схватиться было не за что, под ногами не было земли – только бескрайнее небо над головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.